

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕЙ

Профессиональная подготовка к восприятию Воронежского фестиваля тюзов началась в поезде. Опытный театровед Виктор Калиш поучал критиков младшего возраста, как нужно смотреть невыносимо тягостные спектакли. «Представьте себе, что вы находитесь в сумасшедшем доме. Персонажи, актеры — все безумны. Ну вот хотя бы: «Бац, не попал» — больной человек. Или вот: «В Москву, в Москву» — ну, сумасшедшие. Так можно досмотреть до конца все что угодно».

Как своевременно был этот урок, мы поняли, едва взглянув на репертуарную афишу: «Палата № 6», «Записки Поприщина» (Ленинградский тюз им. Брянцева), «Сумасшедшее пианино» (театр Галафрони, Брюссель), «Там быть здесь» (композиция по Д. Хармсу драматической студии Ионаса Вайтуса, Вильнюс), «Лалпшедром» (композиция по Вл. Друку, Воронежский тюз), «Чудная баба» (Ростовский тюз)... Ну сумасшедший репертуар.

ИЗ РАЗГОВОРОВ В КУЛУАРАХ

— Боже мой, я, кажется, нашла ответ на основной вопрос русской литературы: «Отчего человек не бессмертен?» Будь он бессмертен, пришлось бы такие спектакли смотреть всегда.

— Понимаю, почему спиваются антеры и режиссеры. Если уж мне после каждого представления требуется 50 грамм коньяка... Но я-то пришла и ушла, а у них днем — репетиция, вечером — спектакль. Начиналось все, наверное, с тех же пятидесяти, но на них долго не продержишься — дозу приходится увеличивать...

— А знаете, кто написал лучшую рецензию на спектакль Воронежского тюза «Палата № 6»? Сам Чехов: «Жизни вы не видели, не знаете ее совершенно, с действительностью знакомы только теоретически... Нет, сударь, это не философия, не мышление, не широта взгляда, а лень, факирство, сонная одурь...»

— Господи, ведь надо будет писать, а как быть с «Собранием мышей» Ереванского тюза? С одной стороны, понятна их боль и горечь, невозможность говорить о чем-либо, кроме народной трагедии. С другой — вспоминаются слова Януша Корчака: «Не вовлекайте ваших детей в политику, вы же не хотите, чтобы их воспитывала проститутка».

— А вы видели вчера анекдотическую ситуацию во время спектакля «Дублер» Алтайского театра? Юрий Киселев, знаменитый режиссер, один из могикан тюзовского движения, не выдержав этого «шедевра», победил к выходу, но билетерша грудью перекрыла выход из зала. Вот так — пытка театром. Держать в нем и не пущать.

— Все называют «дебильным» «Поющего поросенка» Свердловского тюза, а по мне так это пример для подражания — идет всего час с небольшим, в зале дети, шумно, можно друг с другом поболтать, и ненависть к русской классической литературе не прививают.

— Что бы мы делали, если бы не замечательная

организация фестиваля, если бы не дивный зимний сад Воронежского тюза, в котором мы танцуем каждый вечер в тоске по лучшей жизни... Что бы мы делали, если бы сами не были в жизни так артистичны и театральны?

Что мы наворотили? Рванулись, сплотились в борьбе за равноправие тюзов. Добились. Получили большое количество плохих драматических театров. Конечно, я предпочла бы, чтобы мой ребенок смотрел «Женитьбу» и «Месяц в деревне» А. Эфроса или «Холстомер» Г. Товстоногова, а не окончательно уж синюю «Синюю птицу». Но если ставит плохой режиссер, то пусть лучше «Поющего поросенка», а не неподъемный репертуар, «сонную одурь», штампы и бесконечную скуку. После театральных Платонова, Гоголя, Чехова волей-неволей начинаешь грешить, возводя напраслину на великую русскую литературу: в ней, как и во всей нашей жизни, нет действия. Только разговоры, рефлексия, самокопание... Почему же жизнь вышла вон из нашего театра? Не могу ответить.

Хочу дальше говорить только о том, что еще осталось хорошего, стоящего, настоящего. Иначе получается, что мы топим талантливых людей в слезах и стенаниях по поводу общекритической ситуации.

К сожалению, Свердловский тюз не привез трагическую «Алису в Зазеркалье». Но долго ли мы будем молчать о том, что в Свердловске живет и действует режиссер высочайшего уровня Анатолий Праудин? Театр Дружбы народов, зови этот спектакль в Москву — не прогадаешь!

А вот пермяки уже второй раз на фестивалях показывают «Кандида» Вольтера. Спектакль изыщен, как маленькая резная шкатулочка штучной, дикий выделки. Он ироничен и лиричен. Сколько ума, лукавства, здорового цинизма в каждом жесте, взгляде, улыбке Вольтера — В. Шульги и монаха — С. Либмана.

И как неожиданно пронзителен финал. Небольшая коммуна опустошенных, разоренных людей, которые когда-то любили друг друга, а теперь лишь выполняют долг, несут свой крест. Спасаясь от ощущения ушедшей любви, они твердят: «Надо работать, надо возделывать свой сад» — и месят тесто, растут сажень. Движения их становятся все бессмысленнее и бессмысленнее, механичнее и механичнее. И тогда простодушный оторвется от нустарного конвейера, подставит руку бывшей красавице и возлюбленной Кунигунде, поцелует заветренные красные пальцы, и они станут танцевать. В изысканных движениях, звуках музыки, галантных жестах оживает утерянное — Добро, Красота, Уважение, Любовь, Культура.

Культура оживает в спектакле Пермского тюза, поставленном М. Сномороховым и изумительно оформленном М. Борнштейном.

Спектакль «Томми» Тбилисского русского театра для детей и юношества начинается со сценографии В. Тагирова. Потемневшая от времени, прошедшего с момента написания Джеромом К. Джеромом своих рассказов, металлическая конструкция. Камин, кабриолет, комфорт, кайф — все создается ею одною. Ах, старая добрая, чудакотавая Англия и смешные люди в юбочках-шотландках, клетчатых пледо и теплых кашне. Ах, эта старая история о Пигмалионе и Галатее, профессоре Хиггинсе и Элизе, пожилом журналисте и милом (или милой?) мальчике (нет, все же девочке) Томми.

Спектакль выполнен Г. Кития как одомашненный, обустроенный интимный вариант всеми любимых английских мюзиклов. Домашняя тапочка вместо блестящей туфельки на каблук — не так шикарно, но как хочется переобуться в удобное. И просто подарок судьбы — следите за этой антрисой, уважаемые коллеги! — исполнительница роли Томми — Виктория Куль. Говорят, она училась сначала в Тбилиси, затем два года у Анатолия Васильева, ушла и вернулась домой. Важнее другое — нечасто приходится наблюдать столь полную внутреннюю музыкальность, абсолютную пластичность и упоенность сценической жизнью.

Сама грация и искренность поселились под крышей Тбилисского театра.